

Хотя в тексте не было прямо указано, о какой именно книге идет речь, вскоре после публикации этой главы фанаты составили аналитическую карту. Книга Полный атлас демонов заняла первое место, будучи упомянутой Цзян Чжаохаем семь раз. Многие заподозрили, что автор под псевдонимом Ян Люйи — близкий родственник или спутник жизни Цзян Чжаохая. А поскольку в первых главах Видящего небесную тайну упоминалось, что Цзян Чжаохай вышел из низов и его родные не имели духовного корня и не могли совершенствоваться, последний вариант казался куда более вероятным.

Однако до самого конца произведения автор так и не раскрыл связь Цзян Чжаохая с той книгой и её создателем.

— Полный атлас демонов был утерян еще во времена войны Трех миров. Даже для выдумок должны быть какие-то границы, — усмехнулся Шэнь Хань, произнеся это несколько рассеянно.

Цзи Цайсюэ вздрогнул. Он и представить не мог, что книга, некогда бывшая невероятно популярной, могла вот так исчезнуть... Жив ли еще этот Ян Люйи? У него наверняка сохранилась черновая рукопись, а значит, он...

Если он жив, то наверняка скорбит по тем, кто пал в те времена.

Время вращало свои тяжелые шестерни, и истории, не рассказанные в Видящем небесную тайну, погребались под трехтысячелетней пылью. Был ли тот финал счастливым или трагичным — теперь уже нельзя было узнать из текста, как прежде.

Цзи Цайсюэ прикрыл глаза, стараясь не думать о далеком прошлом.

Вскоре они прошли проверку Стоглазого чудища и вошли в Янтарный город. Город совсем не походил на место, где нет комендантского часа: длинная улица терялась вдаль, у входа в каждый дом висела жемчужина ночного сияния, но свет их был тусклым, едва разгоняющим ночную мглу. На улице не было ни души, вокруг царила глубокая тишина.

— Брат Хань, это...

Не успел он договорить, как из темного переулочка вышел мужчина в маске. Остановившись в нескольких метрах от них, он поклонился:

— Оказывается, это гости из Врат Долголетия. Прощу, следуйте за мной.

Цзи Цайсюэ машинально коснулся жетона, висевшего на поясе, и, увидев, что Шэнь Хань двинулся с места, поспешил следом.

Мужчина остановился у восьмого дома слева и нажал на кирпич сбоку от входа. Тяжелые ворота без замка издали глухой грохот, послышался скрежет вращающихся шестерен, и

створки медленно опустились, открывая лестницу, ведущую в подземелье.

Проводник сделал приглашающий жест. Цзи Цайсюэ бросил взгляд на невозмутимое лицо Шэнь Ханя, успокоился и вошел следом. Лестница была винтовой; спустившись ступеней на сто, они слышали шум голосов, а пройдя еще немного, оказались у выхода.

Узкий проход закончился, и перед ними открылось пространство, похожее на обычный город: ровные широкие улицы, ряды аккуратных домов. Но в отличие от безмолвия на поверхности, здесь вовсю работали винные лавки и закусочные, на дверях висели рекламные щиты с предложениями о продаже духовного оружия и пилюль, а на обочинах стояли торговцы. Хотя людей было не так много, чтобы толкаться, здесь царил оживление.

Цзи Цайсюэ семенил за Шэнь Ханем, озираясь по сторонам. Он был сыт, но решил присмотреть сухой паек с долгим сроком хранения. Однако кондитерских лавок оказалось целых пять или шесть, и у него, как назло, случился приступ нерешительности. Взвешивая в руке мешочек с духовными камнями, он вдруг с хрустом наступил на что-то, опустил голову и увидел четыре иероглифа: Кондитерская госпожи Чжао.

Он поднял деревянную табличку, которую раздавил, и огляделся. Внезапно он заметил, что между двумя лавками справа есть переулок, а на стене торчит гвоздь — скорее всего, табличка висела там.

Он повесил табличку на место и уже собрался зайти в переулок, как позади раздался голос Шэнь Ханя:

— Зачем ты туда лезешь?

Цзи Цайсюэ обернулся и указал на табличку, заметив, что лицо Шэнь Ханя на мгновение исказилось, но странное выражение тут же исчезло, словно ему показалось.

Шэнь Хань подошел, скрестив руки на груди, и не стал препятствовать, лишь бросил:

— В ночном городе полно глаз. Будешь бегать где попало — не заметишь, как сгинешь.

Цзи Цайсюэ осекся. Он не считал слова Шэнь Ханя преувеличением: сейчас он действительно был беззащитен и уязвим.

Чем дальше они заходили в переулок, тем тише становился шум с главной улицы. Здесь было несколько домов, в окнах некоторых горел свет. У дороги стояли каменные фонари, но внутри были не привычные для заклинателей жемчужины, а обычное ламповое масло.

Переулок был коротким, и вскоре Цзи Цайсюэ увидел ту самую кондитерскую. Он поднялся на ступеньку и увидел подносы с выпечкой — простой, традиционной, почти нетронутой. Видимо,

за день почти ничего не продали.

Цзи Цайсюэ засомневался: вид у сладостей был неказистый, зато цена — куда ниже, чем снаружи. Он помедлил, а потом, заметив, что Шэнь Хань молчит, украдкой взглянул на него.

К его удивлению, Шэнь Хань тоже смотрел на эти простые лепешки. Неужели они вкуснее, чем кажутся, или обладают какими-то чудесными свойствами, дарующими усиления?

Цзи Цайсюэ отвел взгляд, пока его не поймали, постучал по прилавку и позвал:

— Есть кто-нибудь?

— Есть, есть... — донеслось изнутри. Из-за занавески показалась седовласая старушка; она явно только что поднялась с постели, одежда была помята.

— Я просидела здесь час, никто не пришел, вот и подумала — пойду посплю, — улыбнулась она, достала из ящика бумагу и спросила: — Чего желаете, юный гость?

Цзи Цайсюэ выбрал несколько видов, всего около двух-трех цзиней — на первое время хватит. Старушка перевязала сверток бечевкой и протянула ему. В этот момент она заметила Шэнь Ханя, замерла и дрожащим голосом спросила:

— Ты... ты... это ты, А-Хань?

Цзи Цайсюэ остолбенел. Он посмотрел на Шэнь Ханя, но лицо того оставалось непроницаемым.

— Это я, госпожа Чжао.

— Неужели ты... и правда ты... — пробормотала старушка. Вскоре она перевела взгляд на Цзи Цайсюэ, и в её потускневших от старости глазах вспыхнул огонек: — Тогда ты... ты Яояо, верно?

Яояо?

Цзи Цайсюэ покачал головой:

— Госпожа Чжао, вы ошиблись. Меня зовут Цзи Цайсюэ, я здесь впервые.

— Ах, я... я ошиблась, значит, не Яояо... — старушка замялась, а потом вдруг хлопнула себя по колену: — Совсем память отшибло! Яояо ведь девочка, а я опять перепутала...

— Яояо вернулась в Северное царство, — медленно произнес Шэнь Хань. — Я сопровождаю этого юношу на север и по пути заглянул в Янтарный город.

— В Северное царство... значит, вернулась домой... — вздохнула госпожа Чжао. Она достала вощеную бумагу, завернула стопку рисовых лепешек, перевязала их и отдала Шэнь Ханю. — У меня нет дорогих подарков, прими хотя бы это. Если... если...

— Я знаю, госпожа Чжао. Я как раз собираюсь найти Яояо, — Цзи Цайсюэ никогда прежде не слышал, чтобы Шэнь Хань говорил таким успокаивающим тоном. — Я передам ей ваши слова.

Госпожа Чжао улыбнулась, и её лицо покрылось сетью морщин. Она посмотрела на Шэнь Ханя, затем перевела любящий взгляд на Цзи Цайсюэ:

— Хорошие дети. Счастливого вам пути.

Как только они выбрались из переулка, Шэнь Хань швырнул сверток с лепешками Цзи Цайсюэ:

— Столько набрал, смотри не лопни.

Цзи Цайсюэ поспешно подхватил сверток, который показался ему обжигающе горячим:

— Разве это не для той Яояо, которой вы хотели передать гостинец?

— Человек, умерший сто лет назад, не может есть, — сухо ответил Шэнь Хань, словно та Яояо была для него лишь случайной знакомой. Цзи Цайсюэ, конечно, не поверил. По тому, как Шэнь Хань держался с госпожой Чжао, было ясно: отношения между ним и девушкой, с которой он когда-то покупал здесь сладости, были куда сложнее. Он прижал к себе тяжелый сверток, и в ушах у него зазвучали фразы:

— Высокомерная девица из рода Лю, за сто лет ничуть не поумнела.

— А-Хань так к тебе добр... Мы близко к Оку, ближайший город... кажется, Янтарный.

— Это место... где я впервые увидел А-Ханя... хотя он давно здесь не появлялся.

— Брат Хань, — решился он спросить, — ваша вражда с Лю Чаоянь началась из-за той Яояо?

Цзи Цайсюэ был уверен, что не пропустил ответ: Шэнь Хань действительно долго молчал. Когда тишина между ними стала почти осязаемой из-за шума рынка, Шэнь Хань повернулся и, прежде чем Цзи Цайсюэ успел среагировать, схватил его за загривок.

Ладонь была горячей, но золотая цепочка на запястье, коснувшись кожи, холодила.

Цзи Цайсюэ понял: Шэнь Хань напоминает ему, как легко лишить его жизни.

— Цзи Цайсюэ, — голос Шэнь Ханя был ровным. В его янтарных глазах Цзи Цайсюэ увидел свое отражение. — Те, кто слишком много умничает, долго не живут.

Он отпустил его, и холод, сковывавший Цзи Цайсюэ, мгновенно рассеялся. Шэнь Хань бросил ему талисман передачи звука и, не оглядываясь, зашагал в толпу:

— Иди к Северным воротам, ищи свою сестрицу Лю.

— А вы? — машинально спросил Цзи Цайсюэ и тут же пожалел, что задал вопрос, на который не получит ответа. Пока спина Шэнь Ханя не скрылась из виду, он крикнул: — Брат Хань, я буду ждать вас у Северных ворот!

— Брат Хань, я буду ждать вас там.

Шэнь Хань замедлил шаг.

Он не обернулся, но воспоминания, о которых он не должен был помнить, нахлынули на него. Лица людей вокруг расплылись, и та, что давно стала горстью праха, снова стояла перед ним. Её волосы едва касались ключиц, а под челкой горели золотые вертикальные зрачки.

Она махала ему рукой, и золотой браслет звенел, отражая свет, который, казалось, резал глаза.

— Лу Яо, — прошептал он давно забытое имя, и уголки его губ тронула насмешливая улыбка. — Неужели ты действительно была для меня так важна?

Воспоминания, ставшие приговором, не ответили ему. Он отбросил прочь эту скучную печаль и сомнения, и в его руках появились два угольно-черных коротких клинка.

Старая вражда сегодня должна была пополниться еще одним счетом.

<http://bllate.org/book/18928/1852097>